

АНТРОПОЛОГИЯ

Т. А. Гончарова

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРСОНАЛЬНОГО ТЕКСТА¹

Персональные тексты – дневники, автобиографии, воспоминания – заняли прочное место в современных исторических исследованиях, в том числе и этнологических. С развитием микроисторических подходов особый интерес специалисты стали проявлять к персональным текстам, созданным «маленьким человеком», рядовым участником исторических событий. В статье анализируется персональный текст «Быль о родных», написанный А. А. Малиновским – уроженцем ныне исчезнувшего украинского села Бороковка (Чесноки) Асиновского района Томской области, с точки зрения конструирования семейной истории украинских переселенцев в Сибири. Исследование показало, что в семейную историю автор ввел сохранившиеся в исторической памяти переселенческие события: переезд на новое место, создание села, хозяйственное освоение территории. В повествовании семья Малиновских предстала с разных ракурсов: как переселенческая, крестьянская и украинская семья. Частью семейной истории стала история малой родины – с. Чесноки. Персональный текст «Быль о родных» дает возможность увидеть сквозь призму семейной истории конкретного человека – ее автора.

Ключевые слова: *семейная история, персональный текст, украинцы, переселенцы, Сибирь, село.*

Современная гуманитарная наука сегодня не мыслится без антропологического измерения. Предметом исследования стал человек в исторической действительности. При этом человек выступает не как часть исторических процессов, событий или явлений, а как самостоятельная единица для исследования – общественный человек, который переживает историю (Маслова, 2017: 98). Более того, еще в последнее десятилетие XX в. произошел закономерный поворот интереса историков от «человека типичного» или «среднего» к конкретному индивиду (Репина, 2001: 344). Такое пристальное внимание к отдельному человеку неизбежно заставляет обратиться к его осмыслению окружающего мира, отраженному в различных источниках, в том им лично написанных. Речь идет о персональных текстах, в которых оказывается запечатленным индивидуальный опыт и тот или иной уровень его осмысления (Репина, 2001: 344). Сегодня задачей исследователя становится не только поиск объективной информации в таких текстах, центром исследований все больше становится сам рассказ о жизни – воспринимаемый как социальная конструкция, обладающая самостоятельным существованием (Розенталь, 2003: 322). С развитием микроисторических подходов особый интерес специалисты стали проявлять к персональным текстам, созданным «маленьким человеком», рядовым участником исторических событий.

В основном изучение персональных текстов связывается с развитием персональной или новой биографической истории. Однако постепенно этот вид источника становится предметом анализа и в этнологических исследованиях. Как отмечают ведущие специалисты, наряду с уверенностью в том, что возможности полевых исследований многогранны и практически неисчерпаемы, все более широко начинают использоваться письменные, в том числе мемуарные источники (Фурсова, 2007: 491).

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей», № 18-49-700002.

Историко-этнографический анализ материалов белоруса-переселенца В. В. Щастного предприняла Е. Ф. Фурсова (Фурсова, 2007). Дневник Арпик (Арпеник) Алексанян, из депортированной в Сибирь семьи (Алексанян, 2007), стал основой для публикации Э. Б. Гучиновой (Гучинова, 2007; 2010). Воспоминания уроженца Новосибирской области С. И. Курина стали ценным источником для изучения экологического крестьянского сознания (Любимова, 2012), сибирской свадьбы (Любимова, 2013). Сегодня специалистами уже обобщается опыт по выявлению письменных источников в ходе этнографических исследований (Шитова, 2015).

Как правило, опубликованные тексты и рукописи попадают в библиотеки, архивы, музеи. В отдельных же случаях местом их хранения становятся семейные или домашние архивы. Получение информации о таких семейных реликвиях и доступа к ним можно считать случайной для ученого. Такой шанс выпал и автору данного исследования, когда в 2008 г. в ходе полевой этнографической экспедиции в г. Асино Томской области местная жительница Т. М. Потрошкова показала написанную её дядей – А. А. Малиновским – семейную историю под названием «Быль о родных» (Малиновский). Она не только позволила нам познакомиться с этим текстом, но разрешила сделать его копию. К сожалению, к настоящему времени оригинал источника утрачен. Сохранившаяся копия с согласия родственников находится в личном архиве автора исследования и в ближайшее время будет опубликована.

Выявленному источнику уже была дана оценка с точки зрения изучения истории украинцев в Сибири (Гончарова, 2009). Цель данного исследования – показать на примере персонального текста «Быль о родных» конструирование семейной истории украинских переселенцев в Сибири.

К сожалению, биографические сведения об авторе этого семейного нарратива малочисленны. Александр Андреевич Малиновский являлся уроженцем ныне исчезнувшего украинского села Бороковка Асиновского района Томской области, более известного как Чесноки². Его родители были выходцами из Украины, первопоселенцами этого села. Родился Александр Андреевич в начале 1920-х гг. Некоторое время работал учителем в д. Ивано-Богословка, позже переехал в с. Первомайское, а затем в г. Северск.

А. А. Малиновский не датировал «Быль о родных». Не удалось получить сведений о времени создания этого произведения и у родственников автора. Можно предположить, что оно было написано приблизительно в 1980–90-е гг. Основанием так считать служат косвенные свидетельства, содержащиеся в самом тексте. Так, к моменту создания текста с. Чесноки исчезло с карты Томской области: «*Нет теперь села такого / Все разорено*»³ (Малиновский: 23). Официально из административного учета оно было исключено в 1971 г. Кроме того, свое повествование А. А. Малиновский писал уже в пожилом возрасте – «*а теперь дедуками стали*» (Малиновский: 23). Возможно, что выход на пенсию и появление свободного времени подтолкнули автора взяться за перо.

Особый колорит семейной истории «Быль о родных» А. А. Малиновского придает её стихотворная форма. Возможно, с художественной точки зрения произведение выглядит довольно наивно, однако творческий подход автору к реализации своего замысла, бесспорно, заслуживает уважения, и выделяет такой текст среди аналогичных. Авторский текст составляет двенадцать листов школьной тетради. Возможно, не случайным был выбор автором тетради для изложения своего произведения – на ней перо и изображение Н. В. Гоголя.

Жанр произведения – семейная история – обозначен автором уже на уровне заголовка – «Быль о родных», а также в первых строках повествования: «*Пишу вам мои родные / <...> о / семейных делах наших / история эта*» (Малиновский: 1).

Автор предполагал, что среди читателей могут оказаться не только члены семьи, и не возражал против этого: «*Чужим нет секрета*» (Малиновский: 1). Специалисты отмечают, что

² Именно это название и использует автор в своем тексте.

³ В тексте сохранены авторская орфография, пунктуация и стиль.

для автора будущий читатель несомненен. Причем этот гипотетический читатель, по-видимому, мыслится автором дистанцированным от последнего во времени (потомки) и/или в пространстве, географическом и культурном (столичные, грамотные люди) (Лурье, 2001: 24).

Процесс конструирования семейной истории, куда включаются конкретные люди, пережитые события и их интерпретация есть процесс понимания индивидом своей жизни, собственного опыта. Следовательно, написанное выступает для автора абсолютной истиной. Правдивость событий и фактов в представленной семейной истории подчеркивается не только в названии – «Быль о родных», но и в самом тексте: *Но бывает / что историк в глаза пустит / пыль я же вам родные / излагаю быль* (Малиновский: 1).

Здесь мы видим довольно характерную для создателей персональных текстов специфическую амбициозность: как значимое и ценное осознается обычно не художественное совершенство произведения, а исключительность его содержания. Он видит свою заслугу именно в том, что «донес» это содержание до других людей – односельчан, потомков, потенциальных читателей. Связано это с тем, что основой для таких текстов является «реальный жизненный материал», который в той или иной мере соотнесен для автора со сферой «своего» (личного, семейно-родового, местного), и этот «свой» опыт, становясь предметом «литературной» или «научной» (а что особенно важно – письменной) объективации, оказывается вписанным в контекст авторитетной «большой» культуры и обретает высокий статус исторически значимого (Лурье, 2001: 23).

Произведение «Быль о родных» выстраивается на пересечении нескольких сюжетных линий: история переселения украинцев в Сибирь в пореформенный период, история украинского села Чесноки от его основания до исчезновения, история семьи Малиновских, начиная со знакомства родителей и до пожилого возраста автора (Гончарова, 2009: 121). Повествование от первого лица: *Пишу вам мои родные*, в том числе и от имени одного из братьев: *Выдам замуж дочек милых / будет зятя три* (Малиновский: 1, 19), сочетается с рассказом от третьего лица: *Под стук колес он вспомнил* (Малиновский: 2). Для обращения к собеседнику (брату, другу детства) автор неоднократно выбирает форму письма: *Здравствуй брат мой / дорогой шлем тебе привет*, *Его сыну – другу детства / письмо настрочил <...> Вспомним, Сень, годы детства* (Малиновский: 10, 23).

Свое повествование автор начинает с переселения родителей из Украины в Сибирь на рубеже XIX–XX вв. – *давным-давно то было – на стыке двух веков* (Малиновский: 1). Сюжет о переселении занимает около трех страниц. Он включает рассуждения о причинах переселения: *Гнали крестьян с / Украины Столыпин и голод*, *Наш отец был безземельный* (Малиновский: 1, 2), воспоминания отца о жизни на Украине и знакомстве с мамой: *Отец хозяину сказал, что / если тот не прочь, то он / возьмет женой дивчину – его / дочь* (Малиновский: 3).

В контексте переселенческой проблемы интересен момент смены этнической территории, зафиксированный в образах исторической родины (Украины) и нового места поселения (Сибири). Рассмотрение этих образов в аспекте концептуальной оппозиции «свой – чужой» показывает, что первоначально в качестве «своего» пространства выступает Украина. Подтверждением могут служить прямые указания: *Украина моя нянька, родная Ожаровка*, а также активное использование положительной лексики при описании Украины: *богатый край, тепло, фрукты* (Малиновский: 1, 2). Сибирь же первоначально предстает пространством чужим и неизвестным: *сибирский дальний край, глухая Сибирь, холод* (Малиновский: 2,4).

Создание же украинскими переселенцами в Сибири собственного поселения становится переломным в ее восприятии: *И здесь в лесах глухой Сибири / как на кусочке Украины / обособались ходоки Ковальчуки / и Ратнюки. Село назвали / Чесноки* (Малиновский: 4). По сути, двуступенным *«Хохлы красиво пели про леса / долины. Чесноки казались им / частью Украины»* (Малиновский: 5) уже подчеркивается пространство дома.

Стоит отметить, что «часть Украины» не просто образное выражение, с помощью которого автор хотел подчеркнуть особую связь с родиной, но и отражение исторических реалий того времени. Село Чесноки являлось типичным однонациональным поселением, весьма распространенным в Сибири в первой половине XX в. В 1920-е гг., согласно данным «Списка населенных мест», преобладающим населением в этой деревне были украинцы (Список населенных мест, 1929: 122). Этническая локальность позволяла украинским переселенцам по мере возможности воспроизводить в Сибири систему жизнеобеспечения, характерную для их родины, что было даже заметно для украинцев-переселенцев более позднего периода. Так, информант из семьи сосланных в начале 1950-х гг. относительно жителей этой деревни заметила «те, кто из Чесноков, жили так же, как и на Украине» (Гончарова, 2011: 42–43). Распространенная практика создания однонациональных поселений позволила перенести положительный образ исторической родины на новое место поселения.

Очевидно, что сюжетом о смене места жительства автор стремился передать образы и суждения, бытовавшие у поколения первопоселенцев, к которому относятся его родители. Для автора же, родившегося уже в Сибири, исторической родиной является уже с. Чесноки.

Сведения о деловых качествах отца А. А. Малиновского могут служить яркими штрихами к портрету пореформенного переселенца. Так, автор пишет:

*Отец все умел делать сам /
он не страдал без дел от скуки /
стекольщик плотник и маляр /
он мастер редкий на все руки.*

При этом подчеркивает, что «таких в Сибирь прибыло много «хохлов» – потомков кабарзя» (Малиновский: 3).

Тема крестьянского труда неоднократно поднимается автором на страницах произведения: «В селе том все трудились / с утра еще с росой», «Днем в поле все трудились / тяжелый труд людей», «В 10 лет во всю тружусь я / с отцом на полях / Бороню после посева на двух конях» (Малиновский: 4, 5, 15).

Очевидно, что для автора деловые качества, трудолюбие его отца и других переселенцев стали залогом успешного освоения сибирского пространства: «Богатую землю Сибири / дремучие леса от вечной / спячки разбудили плуг скот / людские голоса», «зато все / сыты были, никто не был / босой» (Малиновский: 4).

Тема труда у автора удивительным образом переплелась с рождением детей: «Днем в поле все трудились / тяжелый труд людей. / А ночью отдыхали и делали / детей» (Малиновский: 5). Автор обозначил своего рода механизмы укоренения на новом месте – создание села, хозяйственное освоение территории и рождение детей. В результате семья Малиновских прочно закрепилась на сибирской земле: «Четверть века спустя / где тайга и кочки там трудились на полях шесть сынков / три дочки» (Малиновский: 5).

В повествовании А.А. Малиновского отдельные сюжеты посвящены каждому из девяти детей и родителям. Их объем и содержание разнятся: от нескольких строк до трех страниц, от общих штрихов о личной жизни до житейских историй, раскрывающих характер родственников. Так, узнаем, что брат Петя «с детства балагур <...> в / средние года любил водочку и / женщин это не беда», брат Вася «в восемнадцать лет учитель / юность и мечты», а у младшего брата Владимира было три дочери и «Рюмку дома выпить не с кем / К другу надо идти» (Малиновский: 7, 17, 19).

Стоит обратить внимание, что в сюжетах, посвященных сестрам, автор не только излагает факты их личной биографии, но и рассуждает о женской доле, судьбе: «красоту дала ей / мама забыла дать долю», «Счастья ты мало видала / В жизни тяжелой крутой / Старшие обе несчастны / Но замуж-то вышли любя / Деток и внуков имеют / Этого нет у тебя» (Малиновский: 11, 13). Как мы видим, Александр Андреевич при этом опирается

на традиционные категории: счастливая женская доля связывается с удачным замужеством, рождением детей. Автор принадлежит к поколению, у которого в прошлом жизнь в традиционной культуре. Как отмечает Н. Н. Козлова, жизнь, которую они не просто помнят, но которая занозой сидит в их подсознании. Эта жизнь – постоянный предмет размышлений, точка отсчета (Козлова, 1994: 114).

В личные истории братьев и сестер вплетены ключевые исторические события – раскулачивание и война. В качестве примера можно привести сюжет о личной истории сестры Надежды: *«Вслед за жизнью безмятеж/ной к ним пришла беда / жизнь из резко изменилась в тридцатых годах / Хотя у них остался тот / же большой дом, пусты / углы под иконой в доме / стали том. А затем война и голод. Слезы плачь / детей муж в шинели / на защите Родины идей / Финоген домой вернулся / с победой Кремля. / Заболел пожил немного - / приняла земля»* (Малиновский: 6).

С войной в семейной истории Малиновских связан совершенно удивительный факт – все сыновья вернулись с фронта:

*Пять войну прошли с боями /
Из братьев из шести, все вернулись /
Вам такое нигде не найти /
Не зря маме все твердили /
– Это чудо. Ну и дела! /
Ты наверно своих деток /
Всех в рубашке родила* (Малиновский: 20).

Обращает внимание автор и на ослабление семейных связей, связанное с переездом родственников в другие регионы. В сюжете о брате Михаиле он сетует: *«А сейчас болеет Мишка болезнь / это лень. Родня пишет ему / письма он молчит как пень»* (Малиновский: 10).

В сюжете про родителей автор описывает отца, как строго, но любящего: *«Отец был строг и нас по-своему любил / Чужим не даст в обиду / Но сам частенько бил»* (Малиновский: 21). Свою любовь к матери Александр Андреевич выразил очень трогательными словами: *«Всех дороже нам родным / была старенькая дама / Не случайно ведь ребенок / Первым словом молвит мама»* (Малиновский: 21). Как и в самом начале произведения, автор обращает внимание на трудолюбие и усердие своих родителей. Про отца он пишет: *«Семь десятков поди было / Как с тросточкой он / Носил письма и газеты / Отец почтальон»*, про маму: *«Всю жизнь работала как конь / И прожила почти что век / и видела один лишь труд / Всем нам любимый человек»* (Малиновский: 21, 22).

Завершает произведение письмо другу детства – соседскому парню, где автор возвращается в прошлое, в детство. И вновь в тексте всплывают фамилии первопоселенцев родного села, и даже украинское слово «нема». Последние строки повествования пронизаны сильным чувством тоски:

*Нет теперь села такого /
Все разорено /
Но мы жизнь там полу-/
чили, есть для нас оно /
Нет домов, есть речки, /
горы, кладбище кресты /
Есть следы что люди /
жили я там жил и ты* (Малиновский: 24).

Обращает на себя внимание тот факт, что историю своей семьи автор неразрывно связывает с историей с. Чесноки. Семейная история начинается с рассказа о переезде родителей в Сибирь, основанием села и заканчивается сюжетом об его исчезновении. Более того семейная история включает только два поколения – родители и дети, третье и четвертое поколение упоминаются лишь вскользь – «деток и внучек имеют» (Малиновский: 13). Очевидно, что по мере

взросления дети из семьи Малиновских не только покидали родительский дом, но и уезжали из села: «*Пришла / пора вышла замуж в другое / село*», «*Замуж вышла за Ивана / Из деревни Кайнары*» (Малиновский: 5, 13), а значит и утрачивали, по мнению автора, связь с ней.

Как мы видим, значимость семейных корней у автора сочетается с чувством места. Он связывает значимые события семейной истории с местом – с селом. Как отмечают специалисты, образы памяти всегда фрагментарны и условны и не обладают целостным значением до того момента, пока социум или индивид не проецируют их в конкретные обстоятельства, которые даются им вместе с «местами памяти» (мнемоническими местами) (Жердева, 2015: 7). Возможно, переезд в город и трудности обретения новой городской идентичности также обострили у автора образ малой родины.

Учитывая окружающую этнокультурную ситуацию, автор не мог не думать о себе и своей семье в этнических категориях. Этнический ракурс был задан автором уже в начале произведения – его родители переселенцы из Украины. В качестве этнонима для обозначения этнической принадлежности жителей села Чесноки автор использует «хохлы»: «*Таких в Сибирь прибыло много / «хохлов» – потомков кабзая*», «*Хохлы красиво пели про леса / долины*» (Малиновский: 3, 5). Кроме того, автор указывает, что и окружающее население использовало в отношении жителей этой деревни названия «хохол». Александр Андреевич вспоминает, что в школе в соседнем селе Кусково его дразнили «хохлом»: «*здесь хохлом / меня дразнили звали був-хиба*» (Малиновский: 16).

В «Были о родных» содержатся сведения о национальной школе, открытой в селе в 1930 г., где преподавание шло на двух языках – украинском и русском. В 1933 г. подавляющее большинство учащихся в ней были украинцами: 61 из 70 (Контрольно-учетная карточка ...: 104). Начальное образование автор получил именно в этой школе. Александр Андреевич упомянул в сюжете фамилию своего учителя, а также использовал в повествовании украинские слова, придав этому сюжету особый колорит:

*«Повх был первый мой учитель – /
Добрый человек /
Дал он мне азы науки /
– не забуду век. /
«Не цурайся своей мовы» – /
– читал Повх букварь. /
тетрадь зошитом зовется, /
Лютынем январь»* (Малиновский: 15–16).

Вспоминая же обучение в школе в с. Кусково, автор особо подчеркнул, что оно было на русском языке: «*И учились там на русском / четыре зимы*» (Малиновский: 16).

Как мы видим, «Быль о родных» – это пример самобытной семейной истории, запечатленной в персональном тексте, в которой отразилась судьба переселенческой крестьянской семьи. Сделав отправной точкой для семейной истории переселение родителей из Украины в Сибирь, А.А. Малиновский ввел в нее сохранившиеся в исторической памяти переселенческие события: переезд на новое место, создание села, хозяйственное освоение территории. История семьи Малиновских показана в повествовании с разных ракурсов. Участвуя в освоении территории и создании села, семья предстает как переселенческая; как крестьянская – отличается трудолюбием и знает цену тяжелому крестьянскому труду. В качестве украинской она реконструируется через такие маркеры этнической идентификации как место выхода, историческая родина, самоназвание, языковой фактор. Личные истории членов семьи показали, как в судьбу «маленького человека» вписывается большая история. Частью семейной истории стала история малой родины – с. Чесноки. Персональный текст «Быль о родных» дает возможность увидеть сквозь призму семейной истории конкретного человека – ее автора; заглянуть во внутренний мир конкретного человека – потомка переселенцев, с крестьянским прошлым, выросшим в большой семье в украинском

селе. Автор не только излагает события и делится фактами, но и придает семейной истории особую эмоциональность, проявляющуюся в сопереживании судьбам сестер, трогательных словах о маме, в тоске по исчезнувшей малой Родине.

Список источников и литературы:

- Алексян А.** Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / Институт археологии и этнографии НАН Армении. Науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А. Т. Марутян. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007. – 408 с.
- Гончарова Т. А.** «Быль о родных» – источник по украинцам в Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сборник материалов научной конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 121–122.
- Гончарова Т. А.** Этнический портрет украинцев Томской области // Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 21–24 ноября 2010 г., Томск. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 39–55.
- Гучинова Э. Б.** Простое прошедшее время. Депортация армян в дневнике Арпик Алексян // Алексян А. Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / Институт археологии и этнографии НАН Армении. Науч. ред. Э.-Б. Гучинова, А. Т. Марутян. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007. – С. 9–34.
- Гучинова Э. Б.** Текст депортации и травмы в автобиографическом письме. Дневник Арпеник Алексян // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2010. – № 1. – С. 84–102.
- Жердева Ю. А.** Чувство места как категория социальной памяти // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 2 (19). – С. 5–11.
- Козлова Н. Н.** Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 112–123.
- Контрольно-учетная карточка по школам всеобщего обучения на 1 января 1933 г. // Муниципальный архив администрации Асиновского района. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5.
- Малиновский А. А.** Быль о родных // Личный архив Т. А. Гончаровой. – 24 с.
- Маслова И. В.** Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях // Историческая этнология. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 95–107.
- Лурье М. Л.** О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 15–28.
- Любимова Г. В.** Сибирская природа в зеркале крестьянской мемуаристики (особенности экологического сознания сельского населения Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 2. – С. 87–93.
- Любимова Г. В.** Сибирская свадьба в крестьянской мемуарной литературе // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2013. – № 1 (24). – С. 70–77.
- Репина Л. П.** Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек – Память – Текст. – Казань: Изд-во КГУ, 2001. – С. 344–360.
- Розенталь Г.** Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. – С. 322–355.
- Список населенных мест Сибирского края. Томский округ. Вып. XI. – Новосибирск: [б.и.], 1929. – 241 с.
- Фурсова Е. Ф.** Историко-этнографические материалы в дневниках и заметках белорусского переселенца В. В. Щастного // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 491–494.
- Шитова Н. И.** К вопросу о выявлении новых письменных источников по традиционной культуре (по материалам русских Горного Алтая) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2015. – № 3 (19). – С. 51–58.

Гончарова Т. А., кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru

Материал поступил в редакцию 10.12.2018 г.

T. A. Goncharova

FAMILY HISTORY OF UKRAINIAN MIGRANTS IN SIBERIA THROUGH THE LENS OF A PERSONAL TEXT

Personal texts: diaries, autobiographies, and recollections have taken an important place in modern historical studies, including the ethnological ones. Along with the development of micro-historical approaches peculiar attention of the specialists has been paid to personal texts developed by «a small» person, common participant of historical events. This paper analyzes the personal text «A true story about nearest and dearest» written by A. A. Malinovskii, native born in the now vanished Ukrainian village Borokovka (Chesnoki), in Asino District, Tomsk Region. The analysis has been conducted from the point of establishing the family history of the Ukrainian migrants in Siberia. The study has demonstrated that the author included in the family history such migration events kept in memory as moving to a new place, building the village, and territory development. The narration reveals Malinovskii family from various sides: as a migrant family, peasant family and the Ukrainian family. Part of their family history has been taken by the history of their motherland, Chesnoki Village. The personal text «A true story about nearest and dearest» provides opportunity to see a definite person, its author, through the lens of family history.

Keywords: *family history, personal text, the Ukrainians, migrants, Siberia, village.*

References:

- Aleksanyan A.** Sibirskii dnevnik: 1949–1954 gg. [Siberian diary: 1949–1954] / Institut arkheologii i etnografii NAN Armenii. Nauch. red. E.-B. Guchinova, A. T. Marutyan. – Erevan: Izd-vo «Gigutyun» NAN RA, 2007. – 408 s.
- Goncharova T.A.** «Byl o rodykh» – istochnik po ukrainsam Sibiri [«A true story about nearest and dearest» – the source on the Ukrainians in Siberia] // Aktualnye voprosy istorii Sibiri: Sedmye nauchnye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina: sbornik materialov nauchnoi konferentsii. – Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2009. – S. 121–122. (in Russian)
- Goncharova T.A.** Etnicheskii portret ukraintsev Tomskoi oblasti [Ethnic portrait of the Ukrainians in Tomsk Region] // Dokument, muzeinyi eksponat, narrativ, pismennyi istochnik v kulturnom transfere Sibiri – Ukraina: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 21–24 noyabrya 2010 g., Tomsk. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011. – S. 39–55. (in Russian)
- Guchinova E.B.** Prostoe proshedshee vremya. Deportatsiya armenyan v dnevnike Arpik Aleksanyan [Past Simple Tense. Deportation of Armenians in the diary of Arpik Aleksanyan] // Aleksanyan A. Sibirskii dnevnik: 1949–1954 gg. / Institut arkheologii i etnografii NAN Armenii. Nauch. red. E.-B. Guchinova, A. T. Marutyan. – Erevan: Izd-vo «Gigutyun» NAN RA, 2007. – S. 9–34.
- Guchinova E.B.** Tekst deportatsii i travmy v avtobiograficheskom pisme. Dnevnik Arpenik Aleksanyan [The text of deportation and injuries in autobiographic text] // Laboratorium. Zhurnal sotsialnykh issledovaniy. – 2010. – № 1. – S. 84–102.
- Zherdeva Y.A.** Chuvstvo mesta kak kategoriya sotsialnoi pamyati [The feeling of place as a category of social memory] // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kultury. – 2015. – № 2 (19). – S. 5–11.
- Kozlova N.N.** Krestyanskii syn: opyt issledovaniya biografii [A peasant son: the experience of studying biography] // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1994. – № 6. – S. 112–123.
- Kontrolno-uchetnaya kartochka po shkolam vseobshchego obucheniya na 1 Yanvarya 1933 g. [Control-registration card about general education schools for January 1, 1933] // Munitsipalnyi arkhiv administratsii Asinovskogo raiona. F. 10. Op. 1. D. 5. (in Russian)
- Malinovskii A.A.** Byl o rodykh [A true story about nearest and dearest] // Lichnyi arkhiv T. A. Goncharovoi. – 24 s.
- Maslova I.V. Konseptualnye vysovy v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh [Concept-based challenges in modern historical studies] // Istoricheskaya etnologiya. – 2017. – T. 2. – № 1. – S. 95–107. (in Russian)
- Lurie M.L.** O fenomene «naivnogo» sochinitelstva [About the «naive» composing phenomenon] // «Naivnaya literatura»: issledovaniya i teksty. – M.: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2001. – S. 15–28. (in Russian)
- Luybimova G.V.** Sibirskaya priroda v zerkale krestyanskoi memuaristiki (osobennosti ekologicheskogo soznaniya selskogo naseleniya Sibiri) [Siberian nature in the mirror of peasant's memoiristics (peculiar traits of environmental awareness of rural population of Siberia)] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. – 2012. – № 2. – S. 87–93. (in Russian)
- Luybimova G.V.** Sibirskaya svadba v krestyanskoi memuaroi literature [Siberian wedding in peasant's memorial literature] // Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri. – 2013. – № 1 (24). – S. 70–77. (in Russian)

Repina L.P. Personalnye teksty i «novaya biograficheskaya istoria»: ot individualnogo opyta k sotsialnoi pamyati [Personal texts and «the new biographic history»: from individual experience to social memory] // Sotvorenie istorii. Chelovek – Pamyat – Tekst. – Kazan: Izd-vo KGU, 2001. – S. 344–360. (in Russian)

Rozental G. Rekonstruktsiya rasskazov o zhizni: printsypy otbora, kotorymi rukovodstvuyutsya rasskazchiki v biograficheskikh narrativnykh interviyu [Reconstruction of stories about life: the selection principles which the tellers follow in biographic narrative interviews] // Khrestomatiya po ustnoi istorii. – SPb.: Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2003. – S. 322–355. (in Russian)

Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya. Tomskii okrug [The list of populated areas of Siberian region. Tomsk district]. Vyp. XI. – Novosibirsk: [b.i.], 1929. – 241 s. (in Russian)

Fursova E.F. Istoriko-etnograficheskie materialy v dnevnikah i zametkah belorusskogo pereselentsa V. V. Schastnogo [Historic-ethnographic materials in the diaries and notes of Belarusian migrant V.V. Schastnyi] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii. – T. XIII. – Novosibirsk: Izd-vo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2007. – S. 491–494. (in Russian)

Shitova N.I. K voprosu o vyyavlenii novykh pismennykh istochnikov po traditsionnoi kulture (po materialam russkikh Gornogo Altaya) [About the issues of defining new written sources on traditional culture (based on the materials of Russians in Altay Mountains)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i isskustvovedenie. – 2015. – № 3 (19). – S. 51–58. (in Russian)

Goncharova T. A., candidate of historical sciences.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaja, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru